

Ю. А. Ступин

События середины 1930-х гг. на Карельском перешейке в судьбах финнов-ингерманландцев

Временной отрезок с 1930 по 1947 г. стал для финнов-ингерманландцев Советского Союза периодом целой череды принудительных переселенческих акций, которые, в конечном итоге, привели к практически полному удалению финнов с территории их традиционного проживания. Эти переселения оказали существенное влияние на дальнейшую судьбу финского населения нашей страны, став одним из факторов, которые предопределили стремительное «угасание» данной этно-территориальной группы во второй половине XX – начале XXI в. Подчеркнем, что в условиях резкого усиления миграционных процессов в этот период и связанного с ними распространения этнически смешанной брачности, стимулировавшего развитие ассимиляционных процессов, сокращение численности финнов все равно имело бы место. Не менее существенное значение имели события Великой Отечественной войны, в эпицентре которых оказалась территория традиционного проживания финнов, в результате чего они понесли тяжелые демографические потери. Тем не менее, репрессивная политика советских властей по отношению к этому народу, приведшая к расколу его традиционного ареала расселения на три крупных и ряд мелких пространственно разобщенных очагов, способствовала значительному ускорению негативных послевоенных тенденций его демографического развития.

Среди череды принудительных переселенческих акций, проведенных среди финнов, значимое (хотя, как нам представляется, и не первое) место занимает выселение гражданского населения, проведенное в 1936 г. на Карельском перешейке. Это событие сложно назвать хорошо изученным вопросом. Обычно

Ступин
Юрий Александрович,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

оно рассматривается в работах более общего характера, посвященных либо истории российских финнов, либо истории советских репрессий против отдельных этнических групп СССР. В работах по истории Ингерманландии и российских финнов, как российских¹, так и западных², данная акция рассматривается совместно с переселениями 1935 г., из чего складывается впечатление, что это было некое единое мероприятие, что переселения 1936 г. — лишь продолжение событий предыдущего года. Каких-либо нормативных актов, регламентировавших переселение, не упоминается; кто был его организатором, остается неясным. Сведений о том, куда были направлены выселенные, приводится немного, ничего не говорится и о юридическом статусе переселенцев. Ставшие общим местом данные о 26–27 тыс. выселенных (в том числе 20 тыс. — в 1936 г.) заимствованы из финляндской литературы. Заметим: эти цифры появились «по горячим следам» событий в середине 30-х гг. и в последующие десятилетия некритически воспроизводились в финляндских изданиях. В постсоветский период, когда данная тематика перестала быть запретной в нашей стране, указанные цифры перекочевали и в российскую научную литературу. Они до сих пор не подверглись пересмотру, хотя очевидной задачей исследователей было верифицировать их на основании отечественной документальной базы. В настоящей работе предпринята попытка частично закрыть это значительное «белое пятно» в истории российских финнов.

Основу источниковой базы исследования составили неопубликованные материалы фонда 7179 (Ленинградский облисполком) Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. Именно Леноблисполком (далее — ЛОИК) и стал организатором переселения с Карельского перешейка в 1936 г. Такая специфика, как нам представляется, и стала одной из предпосылок малоисследованности темы. Документы по истории принудительных миграций советского времени специалист первым делом будет искать в фондах силовых органов (НКВД–МВД, МГБ и т. д.). Однако в рассматриваемой переселенческой акции ключевую роль играли местные органы власти. Вспомогательное значение для настоящей работы имеют статистические материалы по населению Ленинградской области, отложившиеся в фонде 95 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. Имеющиеся статистические публикации по региону относятся, в основном, к первой половине 30-х гг., что предопределяет необходимость использования в первую очередь архивных источников.

Напомним, что к концу 1920-х гг. финны-ингерманландцы являлись крупнейшим этническим меньшинством Ленинградской области (далее — ЛО). По данным переписи 1926 г., в регионе насчитывалось 119,1 тыс. финнов; кроме того, в Ленинграде и Кронштадте — 6,7 тыс. Наиболее крупные очаги расселения финнов располагались в центральной части ЛО, и первый из них был локализован на Карельском перешейке. В административном отношении это были Куйвозовский, Парголовский и Ленинский районы. Финские поселения занимали большую часть его территории, доходя на юге до Колтушской воз-

вышенности. Русское население занимало западную часть перешейка, прилегающую к Финскому заливу, и населенные пункты близ Ленинграда и вдоль линий железных дорог. В городских поселениях русские также преобладали. Всего в трех районах Карельского перешейка сосредоточивалась почти треть (31 %) финского населения ЛО. Здесь они составляли 44 % населения, а в Куйвозовском районе — почти 80 %, в связи с чем с 1931 г. этот район имел статус национального финского.

Помимо района, на территории Карельского перешейка функционировали и низовые национально-административные единицы — финские национальные сельсоветы. Последовательно проводя политику так называемой коренизации, государство активно формировало такие сельсоветы, стремясь максимально охватить их сетью территории проживания этнических меньшинств. По принятым в начале 30-х гг. правилам, национальный сельсовет включал от 300 до 3000 человек, из которых не менее 66 % должны были составлять титульный этнос. Национальный сельсовет мог создаваться как путем присвоения такого статуса уже существующей административно-территориальной единице, так и путем «выкраивания» из одного или нескольких смежных сельсоветов населенных пунктов с преобладанием соответствующей национальности. Национальный сельсовет является как бы «маркером» наличия на той или иной территории достаточно крупной локальной этнотерриториальной группы. Для этногеографической характеристики территории это существенно, учитывая малочисленность этнических групп на изучаемой территории и чересполосность их расселения. В районах Карельского перешейка была создана густая сеть национальных сельсоветов: к середине 30-х гг. здесь из 40 сельсоветов было 27 национальных финских, а в Куйвозовском районе лишь 3 сельсовета не имели такого статуса.

Немаловажно, что на Карельском перешейке проходила граница между СССР и Финляндией, контакты с которой, несмотря на строгость пограничного режима, у ингерманландцев отнюдь не прекращались. Именно в приграничных районах Карельского перешейка перепись 1926 г. зафиксировала наибольшее число финнов неингерманландского происхождения: всего в Ленинградской губернии их было 11 053, в том числе в Ленинградском уезде (с Ленинградом) — 8317. Из этого числа в Ленинграде проживало 3940 человек, в Куйвозовской волости — 1721, в Парголовской — 1371, в Ленинской — 504 и т. д. Во всем Троицком уезде таких финнов было лишь 1804, в Кингисеппском — 705³.

Второй крупный очаг расселения финнов-ингерманландцев располагался юго-западнее Ленинграда, на северо-восточной окраине Ижорской возвышенности, примерно вдоль линии Петергоф — Стрельна — Красное Село — Пудость — Большие Колпаны. Почти исключительно финскими были и населенные пункты по верхнему и среднему течению Ижоры (выше Колпино). Административно это Красногвардейский (Гатчинский) район, восточная часть Урицкого и северо-западная часть Детскосельского (Павловского) района. Здесь сосредоточено около 40 % финнов ЛО. В середине 30-х гг. здесь функционировал

21 финский национальный сельсовет. В то же время нужно отметить, что в этом районе финны господствуют лишь в сельских населенных пунктах сельскохозяйственного типа. В промышленных, транспортных и т. п. поселках, весьма многочисленных здесь (из-за близости Ленинграда), финское население практически отсутствует.

В остальных районах Ингерманландии финское население было менее многочисленным, оно образовывало меньшие по площади очаги, расселяясь чересполосно с русскими, ижорой, водью, эстонцами. Сравнительно крупные локальные этнотерриториальные группы финнов можно отметить, например, на Кургальском полуострове, в верховьях р. Назия и др. За пределами двух главных очагов расселения финнов к середине 30-х гг. было образовано всего 6 финских сельсоветов, что лишний раз подчеркивает малочисленность и дисперсность расселения финнов в этих частях Ижорской земли.

Финны ЛО во второй половине 20-х гг. являлись почти исключительно сельским этносом — доля городского населения среди них составляла всего 3,8%, в то время как в целом по региону она превышала 36%.

С 30-х гг. в среде финнов-ингерманландцев начинают набирать силу негативные демографические тенденции. С одной стороны, все больший масштаб приобретают процессы генетической и культурной ассимиляции финнов. Особенно это заметно на периферии ареала их расселения. Так, в период с 1926 по 1939 гг. численность финнов в Кингисеппском районе уменьшилась на 33,5%, а их удельный вес — с 9,8 до 6,0%. В Волосовском районе число финнов за межпереписной период уменьшилось на 9,3%, а доля понизилась с 17,3 до 14,9%.

Позиции финнов в центральной части Ингерманландии существенно «подтачиваются» из-за массового притока населения в эти районы, непосредственно прилегающие ко второму по величине индустриальному центру СССР. Правда, приезжие оседают в основном в городских поселениях, но набирающий темп процесс урбанизации не обходит стороной и финнов. Уровень урбанизированности финского населения заметно подрос за межпереписной период 1926–1939 гг. и достиг 12,5%, хотя он по-прежнему далеко уступает среднерегionalному.

Определенную негативную роль играет и пониженный естественный прирост среди финнов. Как видно из таблицы 1, уровень естественного прироста у финнов стабильно и заметно уступал общеобластному показателю.

Таблица 1. Индекс Уипля населения ЛО в 1935–1939 гг. ⁴

	1935	1936	1937	1938	1939
Все население	160	142	216	188	195
Финны	133	103	142	153	141

В 1939 г. коэффициент рождаемости у финнов ЛО составил 34,1‰, смертности — 24,2‰. У всего населения региона рождаемость находилась на аналогичном уровне, а вот смертность была несколько ниже — 20,1‰⁵. Правда, у финнов наблюдалась более низкая младенческая смертность: в четырехлетие 1936–1939 гг. ее коэффициент равнялся 180,6‰ против 190,6‰ у всего населения ЛО.

Еще одним фактором, способствовавшим развитию негативных демографических тенденций среди финнов-ингерманландцев, стали принудительные переселенческие акции советских властей, развернувшиеся в 30-е гг. и в значительной мере коснувшиеся исследуемой этнотерриториальной группы. Первой из них стала «кулацкая ссылка», которой было затронуто и финское население ЛО. В отечественной литературе, посвященной истории российских финнов, утвердилось мнение, что в период коллективизации из ЛО было выселено 18 тыс. финнов. Автору настоящей работы данная оценка, имеющая финляндское происхождение, представляется преувеличенной, но детальное рассмотрение этого эпизода истории финнов-ингерманландцев в нашу задачу не входит.

С 1935 г. в СССР начинается резкое ужесточение внутренней политики. В районах, прилегающих к западным границам страны, эти изменения были наиболее заметными.

Одним из наиболее известных проявлений резко изменившейся внутренней политики в приграничных районах стала проведенная в этом году очистка погранполосы ЛО и Карелии от «кулацкого и антисоветского элемента». Согласно распоряжению наркома внутренних дел, в первую очередь (1–25 апреля) очищалась 22-километровая полоса вдоль границы, во вторую — 100-километровая в ЛО и 50-километровая в Карелии. Выселению подлежало 3547 семей, в том числе 1000 — в Таджикистан, 316 семей (из Карелии) — в Западную Сибирь, 2231 семья — в Казахстан. Этот документ широко известен в отечественной литературе по истории Ингрии.

В российской историографии широко распространено мнение, что под «кулацким и антисоветским элементом» подразумевались финны или вообще национальные меньшинства. Прямо об этом писал такой авторитетный исследователь истории «кулацкой ссылки», как В. Н. Земсков⁶. В этой связи хотелось бы обратить внимание на собранные В. А. Ивановым данные о территориальном распределении числа лиц, подлежащих выселению из погранполосы⁷. Из них складывается впечатление, что «национальный акцент», если вообще присутствовал в операции, выражен был крайне слабо. Из 3078 семей на долю участков погранполосы с преобладанием финского населения (5-й погранотряд, Отдельная Шлиссельбургская комендатура, Куйвозовский и Пригородный районы) приходится лишь 858 семей (27,9%). Еще 582 семьи (18,9%) предполагалось выселить из Кронштадта и с участков 6-го и 7-го погранотрядов (участок между Финским заливом и Чудским озером). В Кронштадте русские составляли свыше 90% населения, а на южном берегу Финского залива крупнейшим этническим меньшинством были ижоры,

а не финны. Последние, по данным переписи 1926 г., составляли 8,4 % населения Кингисеппского района, 11,1 % Котельского и 15,2 % Ораниенбаумского. Эстонцы были значимым меньшинством лишь в Кингисеппском районе (14,8 % населения).

Однако самую большую часть, 1332 семьи (43,3 %), надлежало удалить с эстонской и латвийской границы. На этом участке лишь к северу от Пскова в состав населения входило значимое по численности эстонское меньшинство. По данным переписи 1926 г., в Серёдкинском районе доля русских составляла 93,0 % (эстонцев — 6,7 %), в Полновском — 81,1 % (эстонцев — 18,4 %), в Гдовском — 90,9 % (эстонцев — 8,4 %). К югу от Чудского озера население было почти исключительно русским. В Псковском районе доля русских составляла 99,4 %, в Палкинском — 99,5 %, в Островском — 98,6 %, в Красногорском — 99,5 %, в Опочечком — 97,9 %. Более разнообразный этнический состав имел лишь Псков, где русских было всего 87,3 %, а самыми крупными национальными меньшинствами были латыши, евреи и поляки⁸. Следует отметить, что в упомянутом плане выселения большая часть приходилась на долю именно южного участка (9-й и 10-й погранотряды и Псков), а не северного.

Таким образом, операцией предполагалось более или менее равномерно охватить территорию приграничья, вне зависимости от национального состава населения. Количество семей, предполагавшихся к выселению, зависело в первую очередь от численности населения района.

Другое дело, что первоначальное плановое задание было перевыполнено в полтора раза. По сведениям В. Н. Земскова, в результате операции было выселено 5059 семей общей численностью 23 217 человек. Из этого количества 1556 человек оказались в трудпоселках Западной Сибири, 7354 были направлены в Свердловскую область, 1998 — в Киргизию, 3886 — в Таджикистан, 2122 — в Северный Казахстан и 6301 — в Южный Казахстан⁹. Эти хозяйства вошли в состав «кулацкой ссылки», причем в качестве особого подконтингента руководством Отдела трудпоселений не вычленялись, «растворившись» среди сосланных в начале 30-х гг. Всех выселенных В. Н. Земсков считает финнами. Несколько иные данные о числе выселенных приводит В. А. Иванов, но разница с приведенными выше цифрами незначительна.

В. И. Мусаев, констатируя отсутствие в документах, подготавливавших операцию, сведений о наличии в ней национального подтекста, пишет, что «на практике получилось именно таким образом»¹⁰, то есть что выселение проводилось именно по этническому признаку. Каких-либо доказательств этого тезиса автор не приводит. Таким доказательством могли бы послужить, например, сведения о порайонном распределении числа выселенных — если окажется, что план перевыполнялся за счет районов с высокой долей этнических меньшинств, конечно, можно будет вести речь о наличии в операции национального подтекста. Вспомним, что в тексте «записки Ягоды» говорится, что

«на каждую семью должно быть вынесено постановление УНКВД Ленобласти». Если эти постановления сохранились, на основании их анализа можно было бы также ответить на этот вопрос.

Автору настоящей работы хотелось бы обратить внимание на следующие два документа, которые ставят под сомнение «национальный» характер переселения 1935 г. — по крайней мере, применительно к финнам.

1. Итоги налогового учета населения ЛО 1934 г. и 1935 г., где приводятся сравнительные данные о численности хозяйств и населения в разрезе районов и сельсоветов региона¹¹. Учет проводился летом, то есть в 1935 г. его итоги отражают ситуацию уже после проведения «первой очереди» выселения. Если «на практике получилось именно таким образом», то в финских районах будет заметный провал в численности населения. Однако даже самый финский в ЛО Куйвозовский район отнюдь не производит впечатления опустошенного. На июнь 1934 г. в районе (в сопоставимых границах) проживало 26 920 человек, на январь 1935 г. — 28 404, и на июнь 1935 г. — 25 097¹². Динамика численности населения районов свидетельствует как раз об обратном — выселение имело «точечный» характер, оно планировалось и осуществлялось равномерно по всей погранполосе, без какой-либо связи с этнической структурой населения.

2. В. Н. Земсков приводит данные, что после начала Великой Отечественной войны «в составе трудпоселенцев были вычленены 12 574 семьи, в отношении которых приостанавливалось действие постановления СНК СССР от 22 октября 1938 г. об освобождении по достижении 16-летнего возраста. В это число вошли 7067 немецких семей, 2535 польских, 1073 финских, 708 эстонских, 433 болгарских, 358 латышских, 118 австрийских, 98 греческих, 65 чешских, 33 литовских, 32 французских, 18 словацких, 10 иранских, 7 албанских, 5 арабских, 3 китайских, 3 румынских, по две турецких, голландских и норвежских, по одной сербской и итальянской семье»¹³. Итак, к 1941 г. в составе «кулацкой ссылки», в которую, по словам цитированного автора, были включены и выселенные в 1935 г. из погранполосы, было лишь чуть более 1 тысячи финских хозяйств, то есть 3–4 тыс. человек. Почему-то В. Н. Земсков никак не прокомментировал некоторое несоответствие этой цифры приведенным им же сведениям об отправке в «кулацкую ссылку» только в 1935 г. более 5 тыс. финских семей.

Разумеется, число хозяйств на момент прибытия в ссылку было выше, но незначительно. Думается, приведенные сведения дают основание, по крайней мере, несколько усомниться в укоренившихся представлениях о масштабах принудительных миграций среди финнов, осуществленных в ЛО в 30-е гг.

3. Соотнесем сведения В. Н. Земскова о численности выселенных в 1935 г. «финнов» с национальной структурой населения регионов, куда они были направлены, по данным переписи 1939 г. Соответствующие данные приводим в таблице 2.

Таблица 2. Финское население регионов, куда были направлены выселенные в 1935 г. из погранполосы (по В. Н. Земскову)

Регион	Было выселено в 1935 г.	Численность финнов по данным переписи 1939 г.
Западная Сибирь	1556	1644
Свердловская область	7354	197
Киргизская ССР	1998	15
Таджикская ССР	3886	215
Казахская ССР	8423	2618
Итого	23 217	4689

Итак, в районах расселения переселенных из погранполосы, переписью отмечено в 5 раз меньше финнов, чем их якобы было выселено. Избыточной смертностью такую разницу объяснить невозможно, тем более что в середине 30-х гг. демографическая ситуация в «кулацкой ссылке» была уже далеко не столь катастрофической, как в период коллективизации¹⁴. Кроме того, конечно, не все финны, отмеченные переписью 1939 г., оказались там в результате переселения 1935 г. Данные по Западной Сибири включают сосланных в начале 30-х гг., а кроме того, большое количество старожилов — финнов, переехавших в Сибирь еще в XIX столетии. По данным переписи 1926 г., в Западной Сибири проживало 1454 финна, большей частью в Омском и Тарском округах. Лишь финны Казахстана, вероятнее всего, в основном являются жертвами «зачистки» погранполосы. Во всяком случае, автору настоящей работы трудно подобрать иное объяснение столь значительному росту их численности (в 1926 г. в Казахстане было всего 29 финнов). Впрочем, часть из них, вероятно, могла попасть в республику и в составе репрессированных в 1937–1938 гг., в том числе не только из ЛО, но и из Карелии. Таким образом, исходя из данных переписи 1939 г., можно предположить, что число финнов, выселенных из погранполосы ЛО и Карелии, на момент вселения, по самой «оптимистической» оценке, не превышало 3 тыс. человек. Однако этот вопрос требует дальнейшего изучения.

К слову, другие принудительные миграции того времени прекрасно отображаются переписью 1939 г. Так, в 1936 г. из погранполосы Украины было выселено в Казахстан 69,3 тыс. поляков (сюда вошло и небольшое количество немцев) — и действительно, в 1939 г. перепись учла в Казахстане 54 809 поляков (в 1926 г. — только 3762). В 1937 г. с Дальнего Востока было выслано 172 тыс. корейцев (95,5 тыс. попали в Казахстан, 76,5 тыс. —

в Киргизию). Перепись зарегистрировала 96 453 корейца в Казахстане и 72 944 — в Киргизии. Как видим, никто никуда не пропал, и совершенно непонятно, каким образом десятки тысяч якобы высланных финнов могли бесследно исчезнуть, никак не отразившись в переписи.

Весной 1935 г. была проведена полная «очистка» 500-метровой пограничной полосы ЛО от гражданского населения, которая, очевидно, стала еще одним проявлением «закручивания гаек» в советской пограничной политике. В частности, этому вопросу было посвящено совещание при мобилизационно-оборонном секторе ЛОИК от 19 апреля 1935 г.¹⁵ Было определено, что на Карельском перешейке, в полосе 5-го Сестрорецкого погранотряда, переселению подлежит 10 населенных пунктов с 228 дворами, а в Кингисеппском районе, в зоне ответственности 7-го Кингисеппского отряда, — 9 населенных пунктов с 176 дворами. Население этих деревень предполагалось расселить в 7½-километровой полосе на месте выселенных оттуда «неблагонадежных элементов».

Вслед за этим обязательным постановлением Президиума ЛОИК от 10 мая 1935 г. было введено новое положение о пограничном режиме на территории региона. Если ранее ограничительные меры распространялись только на 7,5-километровую погранполосу, то теперь пограничная зона формировалась по административно-территориальному принципу, включая, как правило, целые административные районы. Постановление вводило въезд в погранзону по пропускам, выдаваемым милицией.

Постановлением Президиума ЛОИК от 14 сентября 1935 г. в «режимных» районах ЛО было предписано провести обмен паспортов, завершив его в десятимесячный срок¹⁶. Пункт 3 этого постановления требовал в процессе обмена «выявлять и удалять из режимных районов области соц. чуждый и уголовный элемент».

Параллельно ужесточению режима в регионе набирает силу другая тенденция, а именно милитаризация территории, резкое расширение площади, занятой войсковыми гарнизонами, лагерями, полигонами, аэродромами и другими военными объектами. Приграничное положение изучаемого региона дополнительно стимулировало этот процесс. Во второй половине 30-х гг., по мере неблагоприятного для Советского Союза изменения международной обстановки, с одной стороны, и наращивания сил Красной Армии и флота, с другой стороны, милитаризация западного пограничья СССР становится все более масштабной.

Порядок отвода земельных участков для нужд военного ведомства (Народного комиссариата обороны СССР (НКО) и Народного комиссариата Военно-Морского Флота СССР) регулировался «Положением об изъятии земель для государственных или общественных надобностей», которое было утверждено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 4 марта 1929 г. При необходимости изъятия земель нарком обороны или командующий войсками соответствующего военного округа представлял необходимые документы

в местный областной или краевой исполком, или Совнарком автономной республики. Местные органы исполнительной власти принимали решения об удовлетворении ходатайств или об отклонении их. Изучение документов ЛОИК показывает, что в подавляющем большинстве случаев ходатайства военных удовлетворялись, хотя бывали и отдельные случаи отказов. Затем районный или городской исполком создавал оценочную комиссию «для описи участка, оценки стоимости неиспользованных затрат и изымаемого имущества». Положением предусматривалось возмещение землепользователям и другим лицам, интересы которых затрагивались изъятием, убытков, возникающих «из факта изъятия».

В случае, если изъятие затрагивало земли населенных пунктов, производилось переселение хозяйств и перенос строений за пределы изымаемого участка. Конечно, в основном военные объекты были «точечными», не занимали большой территории, и их изъятие не приводило к масштабным переселениям. Однако бывали и исключения: сооружение некоторых военных объектов требовало переселения целых населенных пунктов и даже групп поселений. На Карельском перешейке следует упомянуть два таких объекта, площадь которых измерялась тысячами гектаров.

Первым из них был Научно-исследовательский артиллерийский полигон (часто именуется Ржевским полигоном), возникший к северо-востоку от Петербурга еще в конце XIX в.¹⁷ Он стал одним из главных отечественных центров научно-исследовательской и испытательной деятельности в сфере артиллерии — здесь испытывались артиллерийские орудия, снаряды, железобетонные укрепления, системы реактивной артиллерии и ракетные двигатели. Во второй половине 30-х гг. южная часть землеотвода полигона перешла в ведение Научно-исследовательского морского артиллерийского полигона.

По мере технического совершенствования артиллерии, увеличения дальности ее стрельбы, для полигона требовалась и все большая площадь земли. Так, именной указ императора Николая II от 5 (18) июля 1912 г. санкционировал передачу полигону до 570 десятин земли в Петербургском уезде и до 12 000 десятин в Шлиссельбургском¹⁸ (то есть всего 13 730 га). Расширение полигона продолжилось и в советское время¹⁹, в результате чего он постепенно охватил всю восточную часть принадлежащей СССР территории Карельского перешейка²⁰.

Другой крупный военный объект, возникший на Карельском перешейке в межвоенный период, — Карельский укрепрайон (КаУР). Начало его строительству было положено приказом НКО СССР № 90/17 от 19 марта 1928 г. Тогда было создано управление военно-строительными работами по строительству КаУРа в границах: Ладожское озеро — Финский залив, вдоль государственной границы. Строительство КаУРа продолжалось до 1939 г. УР прикрывал северные подступы к Ленинграду со стороны Финляндии и стал самым северным элементом так называемой «линии Сталина» — так неофициально называлась цепочка УРов, построенная вдоль западной границы СССР.

Линия долговременных сооружений КаУРа протянулась через населенные пункты Сестрорецк, Белоостров, Мертушь, Каллелово, Медный Завод, Агалатово, Елизаветинка, Лемболово, Ненимяки, Перемяки, Соелово, Верхние Никулясы, Нижние Никулясы. Главная полоса УР большей частью прошла на некотором удалении от советско-финляндской границы — перед линией ДОТов располагалось предполье глубиной до 10–15 км с довольно многочисленным гражданским населением.

Строительство КаУРа повлекло за собой новые изъятия земли из гражданского землепользования и переселения жителей. По всей видимости, в конце 1935 г. или начале 1936 г. командование Ленинградского военного округа (далее — ЛВО) предложило ЛОИК полностью освободить полосу предполья КаУРа от гражданского населения. В итоге расширение артополигона и строительство КаУРа привело к милитаризации огромной территории (по очень приблизительным подсчетам, не менее 160 тыс. га, не считая других, более мелких объектов).

Милитаризация территории приводила не только к переселению хозяйств и населенных пунктов, но и создавала значительные проблемы для сельского хозяйства соответствующих районов — под военные объекты изымались значительные площади сельскохозяйственных угодий. Так, в Куйвозовском районе уже к 1 марта 1936 г. было изъято для оборонных нужд 7326,92 га земли, в том числе 2214,72 га пашни и 805,38 га сенокоса²¹. Для сравнения, в 1933 г. вся посевная площадь Куйвозовского района составляла 9730 га²².

Потеря сельскохозяйственных угодий для населения Карельского перешейка и для местных властей была самой большой проблемой, связанной с милитаризацией территории. Перенос построек был задачей решаемой²³, а вот обеспечить переселяемые хозяйства землей было куда труднее. Так, в постановлении от 29 августа 1935 г., связанном с отводом земли под Новотоксовский лагерь, констатируется «напряженность кормового баланса» в Куйвозовском районе, в связи с чем ЛОИК предписал закрепить за колхозами все сенокосы и выгоны в лесах всех категорий²⁴. В мае 1937 г., уже после событий, связанных с массовым переселением с Карельского перешейка (которое, казалось бы, должно было разрядить остроту земельного вопроса), в Токсовском районе, по данным ЛОИК, недоставало 45 % кормовых угодий от необходимого. Тогда областными властями удалось добиться от ЛВО разрешения на использование для нужд колхозов 1228 га сенокосов на отселенной территории²⁵.

10 ноября 1935 г. суженное заседание Президиума ЛОИК согласилось с выселением шести колхозов (231 двор) с территории Новотоксовского лагеря, о чем было вынесено соответствующее постановление № 43. Однако в протокол заседания было внесено также следующее: «Ввиду отсутствия земель и густонаселенности Куйвозовского района признать необходимым произвести расселение трудовых землепользователей в северо-восточной части Ленинградской области, в связи с чем поручить ОблЗУ в месячный срок

выявить возможность размещения в северо-восточных р-нах Ленобласти и произвести соответствующую разъяснительную работу среди переселяемых; поставить перед НКЗемом (Народным комиссариатом земледелия. — Ю. С.) вопрос о выделении особых средств по освоению новых земель, после чего мероприятия ОблЗУ по расселению из Куйвозовского района внести на рассмотрение Президиума Леноблисполкома»²⁶.

Таким образом, резкое обострение земельного вопроса на Карельском перешейке из-за милитаризации территории стало одним из главных факторов (если не самым главным), способствовавших принятию решения о переселении гражданского населения в более многоземельные восточные районы ЛО.

Национальный состав населения, как причина для его удаления из предполья УР, в изученных нами протоколах суженных заседаний Президиума ЛОИК не упоминается ни разу. Заметим, что на этих заседаниях присутствовали представители НКВД, а также командования ЛВО — инициатора переселенческой акции. Протоколы и постановления суженных заседаний имели гриф «секретно» или «совершенно секретно», что, казалось бы, избавляло устроителей переселения от необходимости тщательно скрывать истинные предпосылки своих действий.

Итак, осенью 1935 г. впервые озвучена идея о крупномасштабном переселении хозяйств с Карельского перешейка на восток ЛО.

7 марта 1936 г. стало ключевой датой в истории переселения населения с Карельского перешейка. В этот день суженное заседание ЛОИК приняло два постановления. Постановление № 64 определило, что населению, проживавшему на территории Новотоксовского лагеря, надлежало переселиться на территорию Борисово-Судского района — ныне это западная часть Вологодской области. Причем к «новотоксовским» переселенцам (264 двора) присоединялись 187 дворов с Научно-исследовательского артиллерийского полигона, и еще 50 хозяйств — с трех других, более мелких объектов, передаваемых НКЮ. Всего, таким образом, в Борисово-Судский район должно было отправиться 501 хозяйство. Финансирование проекта должно было осуществляться частично за счет НКЮ (1,7 млн руб.), а большую часть средств (3,3 млн руб.) ЛОИК надеялся получить от СНК СССР, из переселенческих фондов.

Переселенцев предполагалось (с санкции СНК СССР) освободить на 3 года от всех видов госпоставок и предоставить лес для строительства на корню. Переселение планировалось произвести в три очереди и завершить его к 1 ноября 1936 г.

В постановлении не обойден молчанием и национальный аспект (но вовсе не в качестве объяснения необходимости проведения данной акции). Поскольку все переселяемые колхозы были финскими, ЛОИК решил поселить их в Борисово-Судском районе обособленно, на трех крупных земельных массивах общей площадью 7598 га, не смешивая с русскими.

В соответствии с пунктом 12 данного постановления, дальнейшие переселения с землеотводов «спецназначения» в пределах Куйвозовского района прекращались, то есть в случае передачи НКО земельных участков, включавших в себя населенные земли, жители затронутых отводами поселений могли переселяться только в другой район ЛО²⁷.

Второе постановление, принятое в этот день, под номером 63, анонсировало более широкую программу переселения с Карельского перешейка. Предполагалось переселить из укрепленной полосы Куйвозовского района 2201 хозяйство, для чего областному земельному управлению поручалось провести соответствующее обследование северо-восточных районов ЛО²⁸.

3 апреля вопрос об организации переселения из Куйвозовского района подробно рассматривался на суженном заседании Президиума ЛОИК. На этот раз число переселяемых хозяйств возросло уже до 3000 (1300 из них намечались к переселению в первую очередь, до 15 мая), а для расселения их намечалось девять районов северо-востока ЛО: Белозерский, Кирилловский, Чарозерский, Вашкинский, Шольский, Пришкенсинский, Мясинский, Петриневский и Кадуйский. Для изучения возможности расселения в эти районы командировались работники ЛОИК. Однако для расселения намечались и юго-восточные районы области, для чего поручалось «учесть... все имеющиеся свободные жилые постройки и земельную площадь для доприселения и организации новых колхозов (главным образом по районам: Чагодощенскому, Устюженскому, Пестовскому, Мошенскому, Бабаевскому, Борисово-Судскому)».

Для переселяемых предполагалось предоставить следующие льготы:

- для наиболее нуждающихся хозяйств — ссуда в размере 1 ц хлеба;
- списание задолженности по госналогам за 1935 г. и освобождение от сельхозналога, мясо- и молокопоставок и самообложения сроком на 2 года, а размер страхового сбора на этот же срок сокращался на 50 %;
- списание задолженности переселяемых колхозов по долгосрочным и краткосрочным платежам.

Кроме того, перевозка переселяемых должна была производиться за государственный счет воинскими эшелонами. Была предусмотрена и выплата суточных в размере 2 руб. в сутки на человека.

На заседании была также сформирована комиссия по переселению и утвержден ее состав, куда вошли представители ЛОИК, Ленинградского обкома ВКП(б), ЛВО и управления НКВД по ЛО²⁹.

Переселение хозяйств второй очереди из Токсовского района³⁰, первоначально намечавшееся на осень 1936 г., было решено перенести на период с 5 по 20 июля. Соответствующее постановление было принято на суженном заседании Президиума ЛОИК от 27 июня 1936 г. Переселенцев второй очереди предполагалось направить в Мошенский,

Пестовский, Кирилловский, Петриневский, Устюженский, Кадуйский, Шольский, Ефимовский и Бабаевский районы ЛО. Постановление определило и основные мероприятия по организации этого переселения³¹.

В результате проведенной переселенческой акции от гражданского населения были освобождены 11 сельсоветов Токсовского района — Агалатовский (без дер. Сарженка), Елизаветинский, Кирьясальский, Коркиомягский, Красноостровский, Лемболовский (кроме дер. Керро), Массельский, Никулясский, Соеловский, Троицемянский, Хиппелимягский. Также была отселена северная часть Гарболовского сельсовета, но с сохранением данной административной единицы. В пределы отселенной территории вошло как все предполье КаУРа, так и его ближайший тыл. Заметим, что контуры отселяемой зоны формировались «на ходу» — так, еще летом 1936 г. была неясной судьба четырех сельсоветов восточной части перешейка (три из них в итоге были оставлены без переселения)³².

Некоторые итоги переселения 1936 г. подведены в отчете заместителя управляющего Ленинградской областной конторой Сельхозбанка, проверявшего правильность расходов в четырех районах выделенных на переселение средств³³. Согласно приведенным в отчете сведениям, переселению подверглось 3301 хозяйство, то есть утвержденный 3 апреля 1936 г. план был перевыполнен примерно на 10 %. Взяв за основу сведения налогового учета населения 1935 г. о средней людности хозяйства, можно заключить, что из Куйвозовского (Токсовского) района было переселено 12–12,5 тыс. человек. Используя сведения паспортной регистрации 1933 г. о национальном составе населения сельсоветов района³⁴, можно полагать, что около 10–11 тыс. из этого количества составляли финны. Эти величины ощутимо меньше укоренившейся в отечественной историографии цифры 20 тыс. финнов (выселенных якобы только за 1936 г.), но последнюю сложно назвать документально обоснованной.

Еще раз подчеркнем — в нормативных документах нигде не говорится о каких-либо переселениях по национальному признаку. Переселялось все гражданское население, вне зависимости от национальности, и столь высокий удельный вес финнов объясняется лишь спецификой этнической структуры населения Карельского перешейка. Переселение затронуло примерно 7–9 % от общей численности народа. В результате отселения финны-ингерманландцы утратили и заметную часть своей этнической территории. Важно отметить, что:

— на Карельском перешейке ареал расселения финнов отличался не только обширностью, но и монолитностью, сплошностью, удельный вес русских здесь был минимален. Это делало этнотерриториальную группу финнов Карельского перешейка наиболее (по сравнению с другими территориальными группами ингерманландцев) устойчивой к разрушительному действию ассимиляционных процессов;

— немаловажными для финнов Карельского перешейка были регулярные контакты с Финляндией до 1936 г., которые можно рассматривать как один из факторов обособленности финнов-ингерманландцев от русских, а следовательно, и ее демографической устойчивости. Выстроенная близ советско-финляндской границы бетонная «стена» КаУРа прекратила эти контакты.

Достоверность указанного в отчете числа переселенных хозяйств можно проверить по данным налогового учета 1935 г. По сведениям этого источника, на отселенной территории по состоянию на июнь 1935 г. насчитывалось 3250–3300 хозяйств³⁵, что практически точно соответствует вышеприведенным данным.

Также нами были проанализированы данные переписи 1926 г. по территории, отселенной в 1936 г. Тогда в ее пределах насчитывалось 3308 хозяйств и 14 513 человек, в том числе 12 015 финнов³⁶. Эти числовые данные вполне соотносятся со сведениями, приведенными в цитированном выше отчете. Они свидетельствуют, что за 10 лет существенных демографических изменений в пограничной зоне не произошло, несмотря на высылки периода коллективизации (и связанное с ней бегенство в Финляндию), полное отселение 500-метровой погранполосы и «зачистку» 22-километровой зоны в 1935 г.

К сожалению, в отчете не приводится полных данных о районах расселения переселенцев. Указано лишь, что в Кадуйском районе разместились 458 хозяйств, в Чагодощенском — 433, в Бабаевском — 347, в Пришекснинском — 121, о районах расселения остальных 1942 хозяйств сведения отсутствуют. Судя по порайонному распределению сметы фактических расходов на переселение, утвержденной ЛОИК 21 декабря 1936 г.³⁷, наиболее крупные партии переселенцев (по 300–500 хозяйств на район) были поселены также в Белозерском, Шольском и Устюженском районах. Несколько меньшее количество переселенческих хозяйств приняли Борисово-Судский, Пестовский, Мошенский и Вашкинский районы. Наконец, наименьшее количество переселенцев (по несколько десятков хозяйств) получили Вознесенский и Мяксинский районы. Это приблизительное распределение в основном согласуется и с порайонными данными переписи населения 1939 г.

Итак, наиболее значительная часть выселенных с Карельского перешейка была размещена на восточной окраине тогдашней ЛО. В современных административных границах это юго-западная периферия Вологодской области, а с точки зрения физической географии это территория Молого-Шекснинской низменности. В 30-е гг. это были районы со слабой или средней заселенностью, в общем уступавшие по плотности сельского населения Куйвозовскому району, то есть в принципе обладавшие ресурсами для размещения отселенного населения. Впрочем, Пришекснинский район, плотность населения которого была значительно выше, чем на Карельском перешейке, также стал территорией водворения переселенцев.

Из отчета виден главный просчет организаторов переселения — недооценка масштабов расходов на переселение, следствием чего стал острый недостаток жилья для переселенцев. Из 3301 переселенного хозяйства лишь для 1299 (39,4 %) удалось закупить 1182 дома, остальные 1978 хозяйств были размещены в арендованных домах.

Недостаток жилья породил массовый отъезд переселенцев из районов, в которые они были водворены. «В Облисполкоме имеются сотни заявлений переселенцев», констатировалось в одном из документов ЛОИК 1938 г.³⁸ Всесоюзная перепись населения, проведенная 6 января 1937 г. (всего лишь через полгода после завершения переселения), показала, что на территории Вологодской области проживает 7545 финнов³⁹ — примерно на 20–25 % меньше, чем было там поселено. В дальнейшем этот процесс продолжился, и по переписи 1939 г. численность финнов в регионе сократилась до 4015 человек. Их порайонное распределение приводим в таблице 3.

Таблица 3. Численность финского населения Вологодской области по данным переписи 1939 г.⁴⁰

Районы	Численность финнов
Кадуйский	756
Чагодощенский	643
Бабаевский	425
Шольский	418
Пришекснинский	322
Белозерский	317
Вытегорский	268
Устюженский	202
Вашкинский	153
Ковжинский	109
Борисово-Судский	104
Прочие районы	298

Массовый выезд переселенцев с территории Вологодской области привел к дальнейшему рассеянию удаленной с Карельского перешейка части ингерманландцев и, следовательно, способствовал ускорению их ассимиляции.

Этнодемографические данные также свидетельствуют о неблагоприятных условиях жизни переселенцев. Так, в 1939 г. среди финнов Вологодской области родилось 64 человека и умерло 106⁴¹, то есть даже через 3 года после переселения смертность на две трети превышала рождаемость, а общий коэффициент смертности составил не менее 25 %.

Постановлением суженного заседания ЛОИК от 17 мая 1938 г. отселенная территория в Токсовском и Парголовском районах общей площадью 92 тыс. га была передана Военному Совету ЛВО и включена в состав земель спецназначения. В ведение ЛВО передавались все здания и сооружения, принадлежавшие государственным органам, за исключением Октябрьской железной дороги и Управления шоссейных дорог, а также частные дома⁴².

Проведенное в 1936 г. переселение, по замыслу командования ЛВО и руководства области, должно было стать лишь первым этапом масштабной переселенческой акции. Постановление суженного заседания Президиума ЛОИК от 11 января 1937 г. предполагало переселить в феврале – мае 1937 г. 3572 хозяйства — на этот раз уже не только из Токсовского, но и из Парголовского района. Для расселения жителей были намечены 17 районов области: Андомский, Вытегорский, Оштинский, Ковжинский, Винницкий, Капшинский, Хвойнинский, Любытинский, Дрегельский, Ефимовский, Оятский, Вознесенский, Боровичский, Подпорожский, Тихвинский, Чарозерский и Кирилловский. Учитывая негативный опыт предыдущего года, ЛОИК значительно увеличил смету расходов на переселение, запросив в СНК СССР 6,7 млн руб.⁴³ И так, размах запланированной переселенческой акции заметно превосходил масштабы переселения предыдущего года. Однако до практической реализации этого плана дело так и не дошло.

В течение более чем полутора лет о вышеупомянутой акции в ЛОИК словно забыли — во всяком случае, автору не удалось найти каких-либо документов за этот период, где говорилось бы о реализации переселенческих планов. Это молчание прерывается письмом заместителя председателя ЛОИК Жильцова А. А. Жданову, датированное 19 сентября 1938 г. В нем постановление ЛОИК от 11 января 1937 г. характеризуется как «нереальное» и «не обеспечивающее проведение переселения»⁴⁴. По всей вероятности, в январе 1937 г. по неизвестной причине переселение было отложено, а незадолго до письма Жильцова было наконец получено разрешение на его реализацию. 23 сентября 1938 г. Военный Совет ЛВО обратился в ЛОИК и, упомянув постановление от 11 января 1937 г., подтвердил «свое прежнее ходатайство о выселении гражданского населения с его [Карельского перешейка] территории, с дополнением»⁴⁵. Причина, по которой проведение переселения в 1937 г. было заблокировано, остается неясной.

26 октября 1938 г. ЛОИК вновь рассматривал на суженном заседании план переселения 3-й очереди⁴⁶. Масштаб намечаемой акции еще больше расширился по сравнению с январским постановлением 1937 г. Предполагалось полностью отселить Токсовский район, оставив лишь два населенных пункта (Капитолово и Каменный ручей), а также часть

населенных пунктов Парголовского района («северо-западнее пос. Песочное») и часть Сестрорецка. Предполагалось выселить 5700 хозяйств, в том числе 2700 семей сельского населения («из них около 1000 репрессированных, выселяемых органами НКВД») и 3000 семей рабочих и служащих⁴⁷. Обсуждение вопроса носило явно предварительный характер. «Подтвердив необходимость» переселения 3-й очереди, ЛОИК постановил направить 2000 семей сельского населения в Вологодскую область и обратился в СНК СССР за утверждением этого переселения. Одновременно было предписано «проработать вопрос» о возможности переселения сельских жителей в юго-восточные районы ЛО. В качестве таковых были выбраны 12 районов: Поддорский, Молвотицкий, Залучский, Демянский, Любытинский, Мошенский, Дрегельский, Хвойнинский, Пестовский, Тихвинский, Ефимовский и Капшинский. В случае нехватки жилфонда предусматривалась возможность переселения также в Оятский и Винницкий районы. Для расселения семей рабочих и служащих, работающих в Ленинграде (1300–1400 семей), было решено обратиться за содействием в Ленгорсовет. Переселение сельского населения было намечено на март–апрель 1939 г.

Смета областного земуправления (ЛОЗУ) на переселение сельского населения была утверждена ЛОИК 4 февраля 1939 г. Число переселяемых хозяйств было определено в 2623 (в том числе 170 — из Парголовского района) и 9977 человек, общая сумма затрат была установлена в 16 723 169 руб. Самую большую часть средств (6 557 500 руб.) планировалось израсходовать на покупку домов для переселенцев. Учтя негативный опыт предыдущих лет, областное земуправление заложило в смету сумму в 2500 руб. на один дом. Переселение рабочих и служащих к этому времени так и не было согласовано с Ленгорсоветом⁴⁸.

Последний по времени известный нам документ, касающийся подготовки переселения с Карельского перешейка, датирован 2 октября 1939 г.⁴⁹ В этот день суженное заседание ЛОИК постановило произвести ремонт жилых домов для переселяемого населения. Список районов, где предстояло провести эти работы, существенно отличался от прошлогоднего. В него вошли более 20 районов, расположенных в самых разных частях области, хотя большинство, конечно, составили районы востока ЛО. Судя по всему, план переселения в Вологодскую область не получил санкции со стороны СНК СССР.

В силу причин, неизвестных автору настоящей работы, указанное постановление также осталось «мертвой буквой». Самой крупной переселенческой акцией, проведенной в 1939–1940 гг. на территории Парголовского района, стало сселение хуторских хозяйств, которое осуществлялось здесь в рамках общесоюзной кампании. В отличие от задуманного отселения Токсовского района (к тому времени уже упраздненного), оно проводилось вполне успешно.

Вскоре после указанного заседания ЛОИК началась советско-финляндская война, по результатам которой изменилось геополитическое положение исследуемого региона —

он перестал быть приграничным и, соответственно, стал менее интересным для НКО и Народного комиссариата Военно-Морского Флота СССР. Впрочем, быстрой демилитаризации данной территории за изменением границы не последовало. Видимо, понимая, что КаУРу еще предстоит «сослужить свою службу», командование ЛВО 15 июля 1940 г. обратилось в ЛОИК с просьбой сохранить запретную зону в пределах УР и территории между главной полосой и бывшей советско-финляндской границей. Военные соглашались разрешить лишь «свободное передвижение проездом по железным дорогам и шоссе Кексгольмскому, Выборгскому и Приморскому, без права уклоняться от дороги в сторону»⁵⁰.

22 августа 1940 г. Президиум ЛОИК на суженном заседании рассмотрел ходатайство ЛВО и принял соответствующее постановление⁵¹. В «особой зоне» запрещалось проживание населения и какое-либо гражданское строительство. Правда, движение в пределах зоны разрешалось не по трем, а по восьми дорогам, можно было передвигаться и по остальным, но по пропускам коменданта КаУРа. Постановление определило и границы «особой зоны»⁵². Сравнив списки населенных пунктов Парголовского района по переписи 1939 г.⁵³ и начертание южной границы «особой зоны», можно отметить, что она совпадала с южной границей территории, отселенной в 1936 г.

«Особая зона» в обозначенных территориальных границах просуществовала 7 лет. Лишь в 1947 г., по-видимому, убедившись в отсутствии необходимости милитаризации столь обширной территории на большом удалении от границы, командование ЛВО сочло возможным пойти на ее сокращение. Получив ходатайство военных, ЛОИК 1 ноября 1947 г. принял соответствующее решение⁵⁴. Территория КаУРа сокращалась на 60 % (55 160 га), с передачей демилитаризованных земель в Гослесфонд и Госземфонд. Решение определило и новые границы территории УР⁵⁵. Как видно из их описания, сокращение достигалось в основном за счет предполья КаУРа, где милитаризованной осталась сравнительно узкая полоса перед линией ДОТов.

Согласно решению, въезд и проживание гражданского населения в пределах зоны разрешались в Агалатово и на Сестрорецком курорте, на остальной территории запрещались, но с оговоркой: «без разрешения Ленинградского военного округа».

Указанное решение, конечно, не означало полной демилитаризации территории УР. Когда «особая зона» полностью исчезла — автору неизвестно. Вероятнее всего, это произошло в 60-е гг. XX в.

Приведенные в работе факты позволяют по-новому взглянуть на некоторые важные моменты истории российских финнов середины 1930-х гг. Следует отметить, что в 1935–1936 гг. состоялись как минимум две переселенческие акции, так или иначе затронувшие финское население ЛО, совершенно разные по организации, составу удаляемых от границы лиц и т. д. Первая, проведенная в 1935 г. областным управлением НКВД, — «превентивные» репрессии против «неблагонадежных» элементов, проживавших близ

государственной границы СССР. «Национальной» данная операция, вероятнее всего, не была, но данный вопрос требует дополнительного изучения. Репрессированные были отправлены в трудпоселки восточной части СССР и влились в состав «кулацкой ссылки».

Второй, совершенно самостоятельной акцией стало освобождение в 1936 г. от гражданского населения предполья и ближайшего тыла строящегося КаУРа. Отселение проводилось по требованию военного командования и, в отличие от переселения 1935 г., было не «точечным» изъятием, а представляло собой полное удаление гражданского населения (вне зависимости от социальной или этнической принадлежности) из порубежной полосы Карельского перешейка.

Вопрос о мотивировке этого требования со стороны военных также требует специального изучения. Можно предположить, что одним из мотивов послужило стремление затруднить финской армии ведение разведки строящегося УР. Маскируясь под местных жителей, финляндские разведчики могли бы легко проникать в полосу долговременных сооружений КаУРа.

Милитаризация огромной территории на Карельском перешейке и крупные (свыше 3 тыс. хозяйств) масштабы предстоящего переселения исключили для руководства области возможность размещения поблизости от мест прежнего проживания. Выход был найден в организации переселения в восточные, более слабозаселенные и многоземельные районы ЛО.

Однако недостаточное финансирование привело к частичному провалу акции: обеспечить приемлемые условия проживания на новых местах удалось далеко не всем, следствием чего стал массовый выезд переселенных из мест водворения. К 1939 г. эти места покинуло, по всей вероятности, не менее половины переселенцев.

Статуса трудпоселенцев лица, удаленные из милитаризованной зоны Карельского перешейка, конечно, не имели — присвоение его было прерогативой союзных властей, а рассматриваемое переселение носило характер «местечковой» акции. Массовый отъезд переселенцев из районов водворения — лишнее тому подтверждение. Вообще, следует отметить, что в документах ЛОИК нигде не говорится о каких-либо репрессиях или наказании по отношению к жителям отселяемой зоны. Полагаем, что нет оснований относить лиц, переселенных в 1936 г. с Карельского перешейка, к жертвам политических репрессий (и это еще одно важное отличие от «зачистки» погранполосы 1935 г.). Таким же образом к ним не относятся, например, отселенные из зон затопления при создании водохранилищ.

Сказанное, однако, не отменяет того факта, что проведенное переселение оказало существенное и негативное влияние на дальнейшую судьбу финского населения ЛО. В результате событий 1936 г. ингерманландцы утратили значительную и жизненно важную часть своей этнической территории, а также лишились контактов с соседней Финляндией.

Примерно 7–9 % от общей численности народа фактически стали диаспорой, расселенной вдали от территории традиционного проживания. До половины ее покинули места водворения и рассеялись по различным частям области и, что весьма вероятно, выехали за ее пределы, что не могло не способствовать ускорению процессов генетической ассимиляции этой части финнов.

При анализе данных переписи 1939 г. обращает на себя внимание появление множества локальных микрогрупп финского населения, которые не фиксировала перепись 1926 г. В таблицу включены районы, не упоминающиеся в источниках как место водворения финнов, отселенных в 1936 году с Карельского перешейка. Указаны районы, в которых финнов в 1939 г. было больше 100 человек.

Таблица 4. Численность финнов в Ленинградской области за пределами ареала традиционного проживания в 1926 и 1939 гг.⁵⁶

Районы	1926	1939
Боровичский	1	115
Волховский	17	130
Киришский	4	115
Маловишерский	7	519
Новгородский	5	471
Оредежский	14	471
Тихвинский	4	110
Хвойненский	3	157
Всего	55	2088

Итак, только в восьми районах в 1939 г. проживало 2088 финнов — почти в 40 раз больше, чем за 13 лет до этого. Не исключаем, что эта отнюдь не малочисленная диаспора сформировалась из финнов, покинувших после 1936 г. восточные районы ЛО. Разумеется, это лишь предположение, которое необходимо подтвердить или опровергнуть дальнейшими исследованиями данной проблематики.

Командованию ЛВО и руководству области удалось лишь частично реализовать свои масштабные планы по переселению гражданского населения с территории Карельского перешейка в связи с милитаризацией значительной ее части. Дважды принимавшиеся решения на продолжение переселения остались нереализованными, а изменение

государственной границы в 1940 г. сделало эти мероприятия ненужными. Причины срыва «третьей очереди» переселения автору настоящей статьи неизвестны. Одной из причин, вероятно, стала трудность для областных властей расселения столь значительного количества переселенцев — об этом, в частности, говорит неоднократно пересматривавшийся список районов, в которых предполагалось разместить отселенных. Возможно, некоторые пункты переселенческих планов ЛВО и ЛОИК не получили санкции со стороны союзных властей. Дальнейшее изучение данной проблематики, полагаем, позволит более основательно ответить на эти вопросы.

---

¹ Гильди Л. А. Судьба «социально-опасного» народа (Засекреч. геноцид финнов в России и его последствия, 1930–2002 гг.). СПб., 2003; Конькова О. И., Конко В. А. Ингерманландские финны. Очерки истории и культуры. СПб., 2009; Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX века. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2004; Российские финны // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003. С. 468–554; Суни Л. В., Киуру Э. С. Финны // Мы живем на одной земле. Население Петербурга и Ленинградской области / Сост. и науч. ред. К. В. Чистов. Л., 1992. С. 130–148; Суни Л. В. Ингерманландские финны // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Ред. Т. Вихавайнен, И. Такала. Петрозаводск, 1998; Суни Л. В. Ингерманландские финны. Исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Э. С. Киуру. Петрозаводск, 1998. С. 4–25.

² История ингерманландских финнов = Inkeri suomalaisten historia / [пер. с фин. Р.И. Иванена]. СПб., 2010; Лескинен Х. Ингерманландия // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родств. народов: [Сб. ст.] / Сост. Мауно Йокиппи; [Ред. Пекка Мутанен]. Ювяскюля, 1995. С. 183–260; Gelb M. The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // Nationalities Papers. 1996. Vol. 24. N 2. P. 237–267; Inkeri historia, kansa, kulttuuri / toimittaneet Pekka Nevalainen, Hannes Sihvo. Helsinki, 1991. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 547); Jääskeläinen J. Inkerin kirkon tuho Stalinin pakkokollektivoinnissa. Helsinki, 1982; Kurs O. Ingria: The Broken Landbridge between Estonia and Finland // GeoJournal. 1994. Vol. 33. Issue 1. P. 107–113; Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. 1998. Vol. 70. N 4. December. P. 813–861; Matley Ian M. The Dispersal of the Ingrian Finns // Slavic Review. 1979. Vol. 38. March. P. 1–16.

³ К сожалению, указанные данные не были опубликованы в районных границах, введенных в 1927 г. Однако границы указанных волостей в основном соответствовали границам одноименных районов, образованных одновременно с ЛО.

⁴ Подсчитано по данным: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 95. Оп. 4. Д. 245, 367, 508, 606, 783.

⁵ Подсчитано автором по данным: ЦГА СПб. Ф. 95. Оп. 4. Д. 783. Л. 25; и итогам переписи населения 1939 г.

⁶ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 78.

⁷ Иванов В. А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (На материалах Сев.-Запада РСФСР): Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998. С. 596–597.

⁸ Бюллетень Ленингр. обл. отдела статистики. 1928. № 20. Апрель – июнь.

⁹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. С. 78.

¹⁰ Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX века. С. 258.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 95. Оп. 4. Д. 219.

¹² Там же. Л. 26–29.

¹³ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. С. 100.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 6. Л. 93–96.

¹⁶ Там же. Д. 5. Л. 9.

¹⁷ «Положение о Главном артиллерийском полигоне на Охтенском опытном поле» было утверждено императором Александром II 1 (13) июля 1878 г. и вступило в силу с 1 (13) января 1879 г. (Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2-е. Т. 54: 1879 по 18 февр. 1880. Отд. первое, От № 58681. СПб., 1881.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. 1. Т. 32: 1912. Отд-ние 1-е. 1915. [2], 1790, [53] с. № 37697.

¹⁹ См., например, постановление суженного заседания ЛОИК № 34/5 от 29.08.1935 (переселение 4 колхозов и 166 хозяйств; ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 6-а. Л. 76–78); то же № 20 от 27.04.1937 (отвод 12 669,7 га, переселение 8 колхозов и 361 хозяйства; ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 15. Л. 40–41); постановление суженного заседания Президиума ЛОИК от 21 сентября 1938 г. (прот. № 16, п. 1 — отвод участка площадью 4956 га Морскому полигону и переселение 128 хозяйств; ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 17. Л. 129–130); постановление ЛОИК от 12.09.1940 (прот. № 23, п. 15а; переселение 10 колхозов и 906 хозяйств; ЦГА СПб. Ф. 1684. Оп. 5. Д. 656. Л. 65–67).

²⁰ Решение ЛОИК от 6 марта 1944 г. санкционировало очередной землеотвод в пользу Научно-исследовательского артиллерийского полигона и определило границу полигона в следующем виде: «на юге и юго-западе — по городской черте города Ленинграда с переходом от ручья Безымянного на шоссе Ржевка – Ст. Девятикино; от Ст. Девятикино — по Токсовскому шоссе до пересечения дорог у пос. Стандарт, оставляя Токсовское шоссе открытым для общего пользования; от пос. Стандарт — прямая на южную оконечность озера Хепо-ярви; по озеру Хепо-ярви на северную оконечность озера, оставляя западную часть последнего открытой для общего пользования; от северной оконечности озера — по прямой до пересечения дорог у бывш. сел. Мюгязенмяки; по шоссе Токсово — Матокса через бывш. населенные пункты Койвокюля, Лехтуси, Матокса, Катума, оставляя шоссе открытым для общего пользования; от сел. Катума — по прямой до полуострова Сауна-сари, на берегу Ладожского озера. Юго-восточная граница устанавливается по смежеству с территорией Научно-Исследовательского Морского Артиллерийского Полигона» (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 87. Л. 27).

²¹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 7. Л. 82.

²² Там же. Оп. 23. Д. 131. Л. 87. — Тогда же, в 1933 г., районные власти отмечали, что часть «поносных угодий, расположенных в пограничной полосе и в гослесфондах, в течение 10–15 лет не получили никакого ухода, в результате чего покосы заросли кустарником, заболочены и от этого понизился урожай на 50–60 %. Также отмечалось, что ряд колхозов, «расположенных в приграничной полосе, в том числе и красноармейские колхозы, не имеют права производства мелиоративных и прочих почвоулучшительных работ, что в результате безусловно отражается на развитии животноводства и на поднятии сельского хозяйства вообще».

²³ Например, в 1939–1940 гг. в ЛО было проведено плановое сселение нескольких десятков тысяч хуторских хозяйств в колхозные поселки.

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 6-а. Л. 77.

²⁵ Там же. Д. 15. Л. 82–85.

²⁶ Там же. Л. 119–122, 137.

²⁷ Там же. Д. 7. Л. 65–68.

²⁸ Там же. Л. 64.

²⁹ Там же. Л. 187–190.

³⁰ Куйвозоский район был переименован в Токсовский постановлением Президиума ВЦИК от 20 марта 1936 г.

³¹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 8. Л. 125–126.

³² Там же. Л. 148–150.

³³ Там же. Д. 9. Л. 96–97.

³⁴ Там же. Оп. 23. Д. 120. Л. 2.

³⁵ Произвести более точный подсчет не представляется возможным из-за того, что некоторые сельсоветы были отселены лишь частично, а данные в источнике приведены именно по сельсоветам.

³⁶ Подсчитано по данным: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 135. Оп. 3. Д. 91.

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 9. Л. 94–95.

³⁸ Там же. Д. 17. Л. 182.

³⁹ Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: Сб. документов и материалов / [Сост.: В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков; редкол.: Ю. А. Поляков (отв. ред.) и др.]. М. 2007. С. 91.

⁴⁰ Российский государственный архив экономики (Далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1248. Л. 3–4.

⁴¹ Там же. Оп. 20. Д. 152. Л. 15.

⁴² ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 17. Л. 54–55.

⁴³ Там же. Д. 14. Л. 37–38.

⁴⁴ Там же. Д. 17. Л. 169.

⁴⁵ Там же. Л. 164.

⁴⁶ Там же. Л. 157–160.

⁴⁷ Там же. Л. 162–163.

⁴⁸ Там же. Д. 23. Л. 41–42.

⁴⁹ Там же. Д. 22. Л. 306.

⁵⁰ Там же. Д. 26. Л. 23–24.

⁵¹ Там же. Д. 27. Л. 223, 229–230.

⁵² «С севера бывшая государственная граница с Финляндией, от оз. Ладожское до Финского залива, с юга — Тозерово (зап. берег оз. Ладожское), по реке Ват-иони до Мал. Соело, южн. берег оз. Питко-ярви, сев.-зап. окраина Вуолы, южн. окраина совх. Гарболово, дорога совх. Гарболово — Варзоллово, Ховимьяки, Рогосары, южн. берег оз. Ройка, дом лесника в 1 клм южн. оз. Ройка, лесная дорога на юг до зап. окраины Сифолово, стык дорог вост. Агалатовского лесопильного завода, мост через р. Охта, что в 1 км сев. колх. Искури, изгиб р. Черная в 2,5 клм зап. Сарженка, мост через р. Черная на Выборгском шоссе и далее по р. Черная до сев. окраины Дибуны, зап. окраины пос. Дибуны, Рыбачий, сев. окр. Радуголь (искл.), ж.д. Радуголь — пос. Стандарт и на северо-запад по безым. реке до спасательной ст. на Финском заливе».

⁵³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 137. Л. 84–84 об.

⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 148. Л. 204–207.

⁵⁵ Северная граница: «Катумская грива, отметка, 65,5, включая оз. Гири-Ярви, р. Сарк-Оя, исключая ст. Васкелово и Волколово, по западному берегу оз. Лемболовское, по сев. берегу р. Киварин, исключая: Ривалимьяки, Мусталово, болото Харвази, оз. Кахтоловское, Стар. Белоостров, Александровку, Белоостров, кольцевую жел. дорогу и далее по южному берегу руч. Ржавая Канава до Финского залива»; южная граница: «от границы Артполигона, исключая отметку 60,6, Мал. Соелово, оз. Петко-Ярви, Гарболово, Керро, по восточному берегу озера Ройко, оз. Черное, Агалатово, исключая Сарженка, оз. Сарженское, Медный завод, исключая Чёрная речка, Каменка, исключая: отметку 22,5, Рыб-избу, Бойня и территорию Сестрорецкого курорта».

⁵⁶ Бюллетень Ленингр. обл. отдела статистики. 1928. № 20. Апрель – июнь; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1248. Л. 83–96.

УДК 94(47).084.6

Ступин Ю. А. События середины 1930-х гг. на Карельском перешейке в судьбах финнов-ингерманландцев // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 83–108.

АННОТАЦИЯ: В настоящей работе рассматривается малоизученный эпизод из истории принудительных миграций на территории Ленинградской области — отселение жителей из приграничной полосы Карельского перешейка в 1936 г. Предлагается разделять две переселенческие акции на территории советско-финляндского порубежья: «точечное» выселение 1935 г. в пределах всей пограничной полосы Ленинградской области и сплошная очистка погранзоны Карельского перешейка в 1936 г. Непосредственной предпосылкой данного мероприятия стало масштабное фортификационное строительство в пограничной полосе Карельского перешейка. В статье впервые приводятся документально обоснованные сведения об организации переселения, о пределах отселенной зоны, о численности выселенных (3,3 тыс. хозяйств, 12–13 тыс. человек), некоторые данные о районах их расселения, юридическом статусе и дальнейшей судьбе. Переселенческая акция, распространявшаяся на жителей Карельского перешейка всех национальностей, в силу ряда причин наиболее сильно затронула финнов-ингерманландцев. Данное этническое меньшинство утратило значимую часть территории традиционного проживания, а около 7–9 % финнов стали диаспорой, рассеянной по восточным районам области (ныне большей частью входящим в состав Вологодской области). В работе приводятся сведения о подготовке дальнейшего отселения гражданского населения с Карельского перешейка. Однако, в силу требующих дальнейшего изучения причин, эти планы остались нереализованными, а после советско-финляндской войны необходимость их реализации отпала. Тем не менее, зона отчуждения вблизи бывшей границы просуществовала в неизменном виде до 1947 г., а в значительно уменьшенном сохранялась и позже.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ленинградская область, Карельский перешеек, финны-ингерманландцы, принудительные миграции, Карельский укрепрайон.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); stu77@ya.ru

---

Stupin I. A. The Events of the mid-1930s on the Karelian Isthmus in the Fate of Ingrian Finns

ABSTRACT: The paper deals with insufficiently explored episode in the history of forced migrations in the Leningrad oblast — resettlement of population from the border zone of the Karelian Isthmus in 1936. It is proposed to separate the two resettlement action in the territory with the Soviet-Finnish border area — the selective eviction of 1935 within the entire border zone of the Leningrad oblast, and continuous cleaning of the border zone of the Karelian Isthmus in 1936. The immediate prerequisite for this event was a massive fortification in the Karelian Isthmus state border area. The paper provides the first documented information on resettlement organization, on the evacuated zone limits, on the number of evicted (3.3 thousand households, 12–13 thousand people), some data on their areas of settlement, legal status and fate. Resettlement action that affected residents of the Karelian Isthmus of all nationalities,

for several reasons most affected Ingrian Finns. The ethnic minority has lost a significant part of the traditional settling territory and about 7–9 % of Finns began diaspora scattered throughout the eastern districts of the region (now mostly included in the Vologda oblast). The paper provides information on the preparation of a further evacuation of civilians from the Karelian Isthmus. However, due to requiring further study the reasons these plans were not realized, and after the Soviet–Finnish war no longer need to implement them. However, the exclusion zone near the former border has existed unchanged until 1947, and remained significantly reduced later.

KEYWORDS: Leningrad Oblast, Karelian Isthmus, Ingrian Finns, forced migrations, Karelian fortified district.

AUTHOR: St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); stu77@ya.ru

REFERENCES:

- ¹ Gildi L. A. *Sud'ba «social'no-opasnogo» naroda. (Zasekrech. genocid finnov v Rossii i ego posledstviya, 1930–2002 gg.)* (St. Petersburg, 2003).
- ² Konkova O. I., Kokko V. A. *Ingermanladskie finny. Ocherki istorii i kul'tury* (St. Petersburg, 2009).
- ³ Musaev V. I. *Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v konce XIX–XX veke*, 2nd ed. (St. Petersburg, 2004).
- ⁴ 'Rossijskie finny' in *Pribaltijsko-finskie narody Rossii*, Ed. E. I. Klementiev, N. V. Shlygina (Moscow, 2003).
- ⁵ Suni L. V., Kiuru E. S. 'Finny' in *My zhivem na odnoj zemle. Naselenie Peterburga i Leningradskoj oblasti*, Ed. K. V. Chistov (Leningrad., 1992).
- ⁶ Suni L. 'Ingermanlandskie finny' in *V semye edinoj: nacional'naya politika partii bol'shevikov i ee osushhestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920–1950-e gody*, Ed. T. Vihavainen, I. Takala (Petrozavodsk, 1998).
- ⁷ Suni L. V. 'Ingermanlandskie finny. Istoricheskij ocherk' in *Finny v Rossii: istoriya, kul'tura, sud'by: Sb. nauch. st.*, Ed. E. S. Kiuru (Petrozavodsk, 1998).
- ⁸ *Istoriya ingermanlandskix finnov = Inkerin suomalaisten historia*, Transl. R. I. Ivanen (St. Petersburg, 2010).
- ⁹ Leskinen H. 'Ingermanlandiya' in *Pribaltijsko-finskie narody. Istoriya i sud'by rodstv. narodov*, Comp. Mauno Jokipii (Jyväskylä, 1995).
- ¹⁰ Gelb M. 'The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations', *Nationalities Papers*, 1996, Vol. 24, no. 2.
- ¹¹ Inkeri. historia, kansa, kulttuuri / toimittaneet Pekka Nevalainen, Hannes Sihvo. Helsinki, 1991.
- ¹² Jääskeläinen J. *Inkerin kirkon tuho Stalinin pakkokollektivoinnissa* (Helsinki, 1982).
- ¹³ Kurs O. 'Ingria: The Broken Landbridge between Estonia and Finland', *GeoJournal*, 1994, Vol. 33, Iss. 1.
- ¹⁴ Martin T. 'The Origins of Soviet Ethnic Cleansing', *The Journal of Modern History*, 1998, Vol. 70, no. 4. December.
- ¹⁵ Matley Ian M. 'The Dispersal of the Ingrian Finns', *Slavic Review*, 1979, Vol. 38. March.
- ¹⁶ Zemskov V. N. *Specposelency v SSSR, 1930–1960* (Moscow, 2005).
- ¹⁷ Ivanov V. A. *Mekhanizm massovykh repressij v Sovetskoj Rossii v konce 20-x – 40-x gg. (Na materialax Sev.-Zapada RSFSR)* [Doctor of History Dissertation] (St. Petersburg, 1998).
- ¹⁸ *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: obshhie itogi: Sb. dokumentov i materialov* (Moscow, 2007).